

Вступление

Все началось с молнии. Прихотливым зигзагом пронзив ночное грозовое небо, она всей мощью обрушилась на крышу дома, стоявшего на отшибе в Сан-Ремо-де-Мар. Для обитавших в нем пожилых супругов предстоящая ночь должна была стать последней из проведенных ими в этом городишке. Сам по себе данный факт не был для них сюрпризом, хотя на тот момент им и в голову не приходило, что удар молнии повлечет за собой череду последствий, которые кому-то покажутся трагедией, а кому-то — подобием чуда.

Но до этих событий оставалось еще несколько часов. Могло ли все произойти как-то иначе или уже с первыми каплями дождя в тот вечер был запущен неотвратимый маховик грядущих перемен, — в те мгновения они вовсе не задавались таким вопросом. Просто их история начиналась вместе с этой молнией, хотя некоторые детали и позволяли восстановить череду явлений, приведших к столь необычной развязке.

Как их звали? Где они жили? И чем, собственно, они занимались?

Их имена — Гарольд и Мэри-Роуз Грейпс. Жили Грейпсы, или сеньоры Грейпс, как их все называли, в крайнем доме на улице, ведущей к обрыву, — без всяких сомнений, это было одно из самых необычных мест на острове.

Если большинство домов и магазинов лепились ближе к морю, к пляжу, то жилище Грейпсов, напротив, отстояло более чем на километр от живописных красот

их городка и бросало вызов волнам, находясь на краю самого высокого утеса на острове — утеса Смерти.

В ясный день желтые стены дома Грейпсов можно было различить за несколько километров — с суши, если вам вздумалось погулять по плодородным холмам маленького островка Brent, сложенным из древней вулканической породы, или же с моря, плавно покачиваясь в лодке на прохладных волнах.

Любое из этих развлечений прекрасно подходило для того жаркого воскресного утра. Пляжи, прогулочные дорожки и террасы маленьких кафе стремительно заполнялись отдыхающими. Обитатели Сан-Ремо, не слишком избалованные хорошей погодой, выбрались на улицы, дабы насладиться столь редкой удачей — сияющим во всю мощь солнцем, которому нынче не угрожала плотная пелена облаков. Но сеньоры Грейпс сидели дома — впрочем, как обычно. Несмотря на то что, в отличие от других дней, это воскресенье для них тоже было особенным, они сильнее, чем когда-либо, ощущали, что не могут разбазаривать драгоценное время, и поэтому не стали выходить на улицу. Нет, они хотели провести тот день в их доме, в последний раз прочувствовать эти старые стены, свой домашний очаг.

Туманное будущее

Мэри-Роуз провела большую часть воскресного утра упаковывая всякие памятные безделушки. Она укладывала их в картонные коробки, не давая себе труда подписывать, что куда помещает, и на каждом шагу раздумывая, без чего они легко смогут обойтись после переезда. Когда она доставала из шкафа последние одеяла, к ее ногам упала какая-то смятая фотография. Мэри-Роуз осторожно подняла ее, перевернула, и в тот же миг по ее телу пробежала дрожь, а руки внезапно окоченели, словно она держала ледышку.

Прежде чем вновь посмотреть на снимок, ей пришлось присесть на кровать и сделать несколько глубоких вдохов: много лет назад она сама спрятала его, чтобы заглушить слишком острую боль. Фотография утратила былую четкость, но давала возможность разглядеть силуэты трех человек — мужчины, женщины и ребенка; все трое, обнявшись, улыбались в кадр. За ними в лучах закатного солнца красовался недостроенный корабль.

Снимок изрядно поблек, но это вовсе не мешало Мэри-Роуз, ибо она и так знала, что волосы мужчины черны как смоль, а за очками прячутся самые синие в мире глаза, такие же, как и у мальчика. Она ощутила укол в сердце, в самой его глубине, и горло сжалось от застарелого яда бесплодных сожалений и укуров. Еще несколько глубоких вдохов, и она уже смотрела на улыбающиеся губы ребенка, его влажные блестящие волосы такого же каштанового оттенка, как и у обнимавшей его зеленоглазой женщины.

Из-под овальных стекол очков Мэри-Роуз скатилась слеза. Она вспомнила время, которое провела на старой корабельной верфи Сан-Ремо. В те дни ее единственной мечтой было стремление узнать, каков мир там, за пределами острова. Тогда ей были неведомы ни страх перед неизвестным, ни упреки, ни обязательства и сомнения. Она вздохнула. Прошло уже тридцать пять лет, и Мэри-Роуз себя не узнавала. В какой момент она перестала быть собой? Когда позволила развееваться всем своим мечтам? Эти вопросы было слишком больно задавать. Теперь же ее пугало туманное будущее вдали от этого дома, а старая фотография лишь напоминала о том, что жизнь пошла вовсе не тем путем, который она себе наметила. Мэри-Роуз последний раз бросила взгляд на снимок, убрала его в коробку и пошла на кухню.

Внизу, в плохо освещенном захламленном подвале, служившем мастерской, сеньор Грейпс трудился над миниатюрной моделью корабля. Собственно, этим он занимался всякий день, и даже сегодняшний не стал исключением. Сквозь круглые иллюминаторы, встроенные по всему периметру комнаты, пространство пронизывали плотные, почти осязаемые лучи солнечного света. Все, как и прежде, лежало на своих местах. Сложенные картонные коробки привалились боком к стиральной машине и сушилке, а поверх них громоздились стопки книг. Рядом с опреснительной установкой и гигантской емкостью, снабжавшей жилище питьевой водой, кучей были свалены старые электроприборы, а за потрепанной клетчатой занавеской, почти вплотную примыкая к его рабочему столу, пряталась кладовка для продуктов, теперь почти пустая.

Гарольд всегда сетовал, что ему катастрофически не хватает простора, но при всем том умудрялся посреди

этого хаоса найти место для своих разнообразных увлечений и занятий — будь то починка мелкой хозяйственной утвари, изготовление хитрых шуток для текущего ремонта дома или строительство крохотных корабликов, помещенных в стеклянную бутылку, — самое любимое его дело и единственное, что успокаивало душу в минуты накатившей тоски.

По всему дому можно было увидеть эти волшебные миниатюры, плоды его таланта и терпения. В прихожей, в гостиной, в столовой и даже в ванной стояли крошечные, но абсолютно точные копии прославленных кораблей, помещенные в старинные бутылки, которые морской прибой исправно выбрасывал на побережье.

Сейчас эти шедевры уже не украшали интерьер дома: все они были должным образом запакованы в пузырчатую пленку и уложены в коробки. Все, кроме одного.

Гарольд держал в руках кораблик, который, в отличие от остальных миниатюр, был помещен не в бутылку, а в старую пузатую банку из-под варенья. Там, внутри, на волнах смоляного моря гордо качался самый ценный экземпляр его коллекции, самый старейший, самый первый из всех. Борты суденышка не украшал искусный орнамент, а на парусах и флагах не сверкали королевские гербы. Это был простой, скромный парусник, ожидавший великих приключений. Кораблик так никогда и не получил имени, а в натуральную величину Гарольд начал строить его задолго до появления на свет крохотной копии, с которой он сейчас бережно стирал пыль.

Время от времени Гарольду казалось, будто он чувствует запах дерева, смолы и морской соли, навеки пропитавший воздух верфи, где он трудился в далекой юности. Он все еще слышал стук киянки, которой конопатил щели между досками, ощущал палящее солнце на

своей обнаженной спине, с тоской вспоминал каждый из построенных в те дни кораблей. Это были настоящие, реальные суда: рыбацкие шлюпки, сейнеры, прогулочные катера... В памяти воскресали тяготы и трудности этой работы, но в первую очередь невыразимое счастье, которое ощущалось, когда созданный им корабль впервые снимался с якоря. О каждом из построенных суденышек он хранил теплые воспоминания, но ничто не могло сравниться с пронзительной любовью к его собственному паруснику, уменьшенную копию которого он и держал сейчас в руках. В этом судне он воплотил свои мечты, посвящая все свободное время кропотливой ювелирной работе над ним. Гарольд поставил банку на стол и глубоко вздохнул, сознавая, что эти мечты так и остались на берегу: они погрузились в небытие еще до того, как днище парусника коснулось воды. Ему не суждено было стать настоящим кораблем, он навсегда остался лишь бледной копией горького сна, заключенной в стеклянном сосуде.

Легкая дрожь пробежала по телу Гарольда, возвращая его к действительности — в мрачный затхлый подвал. Банка на столе начала вибрировать, и ее пришлось схватить с силой, чтобы удержать на месте. Но дрожал не только кораблик и сам Гарольд: весь подвал ходил ходуном, в воздухе плясала свисавшая со стропил лампа. Через несколько томительных секунд — так же внезапно, как и начались, — толчки стихли и все успокоилось.

Гарольд раздраженно засопел, заметив, что главный парус кораблика сорвался с мачты и лежит на крохотной палубе. Уже забыв о недавнем минутном землетрясении, он водрузил на нос очки с сильным увеличением и взялся за пинцет, чтобы тотчас же ликвидировать возникший изъян. И тут с лестницы его окликнула жена:

— Гарольд, ты заметил? Довольно сильный толчок!

— Ничуть не сильнее прежних, — отозвался он, повысив голос, чтобы его было слышно на лестнице.

— Вообще нет! Хорошо еще, что почти все вещи упакованы, а то пришлось бы одни осколки собирать. — Мэри-Роуз помолчала и продолжила: — Мне было бы спокойнее, если бы ты сходил проверить тросы.

— Сейчас закончу тут и пойду гляну, ладно?

— Хорошо, — ответила она и, уходя, добавила: — Обед будет готов через десять минут.

Супругам Грейпс землетрясения были не в новинку, но за столько лет Мэри-Роуз так и не смогла к ним привыкнуть. Вернувшись в кухню, она замерла на пороге, а ее сердце сжалось. Из-за подземного толчка стоявший на массивном столе цветочный горшок с ярко-малиновыми и лиловыми гортензиями упал и разбился, а их оторванные корни были беспомощно раскиданы среди рассыпавшейся земли и глиняных черепков.

На миг Мэри-Роуз перенеслась в прошлое; тогда она еще и помыслить не могла о самом существовании этого дома. И вот она уже стоит не на кухне своего нынешнего жилища, а в маленькой квартирке в городке, откуда уехала давным-давно. Ее вновь настигает перестук дождя за окном столовой, а морской простор все так же пронизывают разряды молний. Она опять проживает ту грозовую ночь, когда такой же горшок с гортензиями выскользнул у нее из рук и его осколки разлетелись по кафельному полу. И ее так же, как и в ту далекую пору, охватила уверенность: «Должно случиться что-то плохое».

Мэри-Роуз и тогда чувствовала, что эти раскиданные на полу гортензии — нечто большее, чем просто дурная примета, но ей не хватило ни времени, ни воображения,

чтобы подготовиться к тому, с чем пришлось столкнуться спустя несколько часов. С тех пор она всегда без устали сажала гортензии по всему саду: они не давали ей забыть о случившемся и были единственным, в чем ей удавалось поддерживать жизнь без страха потерять это навсегда.

Внезапно резкий запах горелого вернул Мэри-Роуз к действительности. Она быстро убрала кастрюлю с плиты, но, увы, слишком поздно. Обед был безнадежно испорчен.

Гарольд безропотно ждал, пока Мэри-Роуз соорудит некое подобие похлебки из остатков рыбы, которую удалось спасти из перестоявшей на огне кастрюли. Есть ему не хотелось, и он сообщил жене, что воспользуется паузой и выйдет в сад проверить тросы.

Он спустился по ступеням заднего крыльца и обогнул дом, пробираясь через заросли гортензий, заполонивших весь сад. За углом он увидел первый из шести стальных тросов-растяжек, которые одним концом крепились к крыше, а другим были глубоко утоплены в почве, словно каркас гигантской палатки. Гарольд установил их много лет назад, когда фундамент дома начал страдать от эрозии, неизбежной для вулканической скальной породы.

Гарольд наклонился над одной из опор и, раздвинув плотную листву заслонявших ее гортензий, пристально всмотрелся в крепление, утопленное метра на два в скалу. И тут его поразила мысль, что эти действия начисто лишены смысла. Через несколько часов им предстояло покинуть этот дом, и было совершенно неважно, ослабло крепление или нет. Так что он поднялся и пошел дальше, уже не обращая внимания на тросы. Его путь лежал через старый виноградник; он сам мальчишкой

вместе с отцом сажал эти лозы еще до того, как они решили построить дом на скальном утесе, и задолго до его знакомства с Мэри-Роуз.

Уже много лет ни одна лоза не приносила урожая. Их скрюченные стволы высохли; задавленные мощными гортензиями, они перестали давать усики и плоды — а ведь из этих плотных гроздьев некогда варили виноградное варенье, его любимое. Гарольд нежно погладил старую засохшую лозу и на мгновение ощутил тоску по прошлому, но тут же вспомнил: как и в случае с креплениями, ему незачем теперь волноваться об этих бесплодных ветках. Он знал, что на следующее утро здесь не будет ни их самих, ни дома. Все исчезнет.

Гарольд зашагал дальше, к острому скалистому краю обрыва. С этой точки, своего рода смотровой площадки для избранных, открывался вид на большую часть острова и окружавший его безграничный морской простор. Издалека, с самого горизонта, надвигалась хмурая цепь облаков, но городской пляж по-прежнему кишел отдыхающими и купальщиками, — казалось, их вовсе не заботит, что солнце светит уже не так ярко. Неподалеку от скал компания любителей серфинга пыталась удержаться на волне, а на противоположном берегу острова, где горы полого снижаются к морю, отчаливали за вечерним уловом первые рыбацкие лодки.

Сан-Ремо был маленьким городком на маленьком островке, скалистом клочке суши среди холодного моря, столь уединенным, что остальной мир прекрасно без него обходился. Его жители привыкли к монотонному быту, свободному от каких-либо потрясений и сюрпризов, и с подозрением относились ко всему — будь то появление иностранцев или какие-либо перемены в жизни их собственных соседей.

Как и большинство местных жителей, Гарольд и Мэри-Роуз никогда не ступали на другую землю, кроме острова Brent, да и морем доходили лишь туда, куда можно было дотянуться взглядом с берега острова. Клочок суши под ногами воплощал для них целый мир, точнее, крохотный мирок, с которым они свыклись; подобно цветам и старой лозе, он угнездился и пустил корни в самой глубине их душ.

Порыв холодного ветра пронесся над землей и сорвал несколько цветков с гортензии, растущей на краю утеса. Гарольд следил взглядом за прихотливым танцем лепестков, покуда они не исчезли в пропасти, а потом вернулся в дом.

— Я два часа убила на готовку, и все впустую! — проворчала Мэри-Роуз, когда Гарольд вошел в кухню.

— Почему? — поинтересовался он, усаживаясь за стол.

— Думаешь, это достойный обед для такого важного дня? — буркнула она, наливая водянистую рыбную жижу с плавающими в ней черными комками.

— День как день, подумаешь!

Но, как бы ни хотелось Гарольду, чтобы его голос прозвучал убедительно, при взгляде на жену ему стало ясно, что цели он не достиг. Старайся не старайся, а оба знали, что этот день совершенно особенный.

— Снаружи все в порядке? — сменила тему Мэри-Роуз.

— Да, все нормально, — откликнулся он, наблюдая, как взбаламученные ошметки горелой рыбы опускаются на дно тарелки. — Хотя вряд ли нам стоит беспокоиться, простоит дом еще немного или нет.

Мэри-Роуз глотнула бульона и тут же почувствовала разлившуюся в горле горечь. Она поспешила запить водой мерзкий вкус, но и это не заглушило едкую оскомиину.

— Я все еще не могу свыкнуться с мыслью, что это наша последняя ночь здесь... — вымолвила Мэри-Роуз.

Гарольд не успел ответить, как прозвенел дверной звонок. Супруги Грейпс удивленно переглянулись и, не сговариваясь, бесшумно положили ложки. Их никто не посещал в это время суток, да, собственно, как и в любое другое время: к ним вообще никто и никогда не заходил. Звонок прозвенел снова.

— Думаешь, это за нами? — прошептала Мэри-Роуз.

— Вот еще! — возмутился Гарольд. — Никто не вытаскивает меня из моего дома раньше времени!

— Шшшш... Не кричи! — еле слышно вымолвила сеньора Грейпс.

Звонок продолжал настойчиво трезвонить.

— Все, с меня хватит! — взорвался Гарольд, вскакивая со стула. — Если это они, то в их чертовом письме ясно сказано: они не имеют права выкинуть нас из дома до завтрашнего утра!

Громко топая, Гарольд решительно направился в прихожую, а Мэри-Роуз с опаской плелась на несколько шагов позади него. Звонок опять зазвенел, но тут же оборвался, едва Гарольд распахнул дверь. В проеме обозначилась высокая худая фигура — это был человек в элегантном сером костюме, прекрасно гармонировавшем с его седыми волосами и кожей пепельного оттенка.

— Добрый вечер, Гарольд... Роуз... — поздоровался посетитель, будто через силу выдавливая слова.

— Добрый вечер, Мэтью, — ответила Мэри-Роуз.